

Е. В. ПЕРЕВАЛОВА

Угорско-самодийские мифы советского времени¹

При всей противоречивости период становления советской власти и последующего социалистического строительства стал эпохальным явлением в культуре и ментальности коренных народов Севера. Традиционные сказания и божественный пантеон обских угров и самодийцев дополнялись и подменялись советскими мифами² и символами. Вместе с тем внимательный взгляд в этноисторию, по замечанию А. В. Головнёва, обнаруживает динамику традиций и этничности, а консервативность общности и ее культуры оказываются лишь эффектом внешнего восприятия.³

Начало советской колонизации в интерпретации северных туземцев рисуется как продолжение истории колониальных взаимоотношений с Российской империей:

Лесные ненцы долго воевали с *капи* (селькупамы. – Е. П.), которые постоянно приходили на наши земли, грабили стойбища, уводили оленей и женщин. Ненцы объединились и оттеснили врагов на р. Таз. Пока

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 11-11-66-009а/У, проект «Идентичность русского и мансийского населения Урала: история и современность».

² Понятие «миф» рассматривается в интерпретации А. Ф. Лосева, когда миф – это не выдумка, не сказка или искусственно сконструированное пространство, а вполне реальный пласт представлений, заложенных в подсознание человека. См.: Лосев А. Ф.: Из ранних произведений. М.: Правда, 1990.

³ См. статью А. В. Головнёва «Урал: перекресток и диалог культур» в настоящем сборнике. – *Прим. ред.*

шла война с *капи*, в устье реки Оби русские основали острог – Обдорский городок. Собрав огромное войско, тундровые и лесные ненцы предприняли попытку взятия крепости, но неудачно. Если бы они выбили русских из городка, то двинулись бы дальше – на Москву. Но время было упущено. Тут пришел Ленин, вероятно, он был трусом, так как стал с местными жителями договариваться⁴. Ненцы обещали ему, как прежде русскому царю, платить ясак в Сургут (ПМА, р. Пур, 1998).

Сложившиеся на протяжении четырех веков отношения между российским самодержавием и сибирскими инородцами были перенесены на советское государство и его лидеров. Главным механизмом взаимодействия оставался веками устоявшийся принцип товарообмена.

«Когда пришли красные и спросили князца Вейсу из рода Пяк: “За кого ты?” Он ответил: “Кто будет мне чай и хлеб давать, за того я и буду”. Показал им свои царские подарки, похвастал своими крестами и прочими знаками отличия. В Сургуте ему выдали справку о том, что он на стороне красных. За привезенную пушнину дали китайских денег» (ПМА, р. Пур, 1998).

Включение туземного населения в противостояние «белых» и «красных» было стихийным и неосознанным. Лесной ненец А. А. Айваседа рассказывает:

«Отец моего отца, Анет Айваседа, поехал с р. Агана вместе с другими ненцами в Сургут торговать. На горе то ли белые, то ли красные засели. Пули так плотно летят: конец хорея (шеста для погона оленей – Е. П.) срезает. Солдаты несколько националов схватили. Пообещали продуктов дать за то, чтобы они на упряжках вдоль горы стрелков возили. Мой дед был маленького роста, с нарты упал (наверно, убежать

---

⁴ По представлениям самоедов, компромисс в войне – признак слабости и трусости.

хотел), но солдат, что рядом сидел, схватил его и обратно на нарту посадил» (ПМА, р. Аган, 2001).

Установление власти Советов на территории Северо-Западной Сибири для коренных жителей выразилось в перекрашивании «белого» в «красное». Русского царя обские угры и самодийцы называли «белый хан», а вождя мирового пролетариата стали именовать *вэртэ ях кон* «красный хан» (ханты), позже – *кемч,акэ кон* «партийный хан» (лесные ненцы) (ПМА, р. Аган, 2002, 2004). Представителей советской власти тундровые самоеды называли *нярьяна ерв* «красные начальники». Прослышав о приезде на Ямал научно-практической экспедиции Владимира Петровича Евлádова (1928–1929), оленеводы не только соседних, но и отдаленных стойбищ поспешили посмотреть на него. Прибывший с Полярного Урала Сэроко Лаптандер поведал, что среди самоедов ходят легенды о «красных людях», которые пришли «из другой земли» на их землю, «повоевали белых людей и сами стали править» народом. Старик был уверен, что у начальника «красных людей» непременно должны быть красными руки и лицо (рис. 1).⁵

Однако по мере развертывания на Севере революционных преобразований «красное» приобрело выраженный негативный оттенок. Участник становления советской власти и борьбы с бандитизмом в Обдорске Иосиф Волков описывает такой случай: «В начале обменной компании большая группа оленеводов вдруг прекратила сдачу своих товаров и стала разъезжаться прочь. Причина оказалась в том, что в продконторе бланки квитанций на сдачу пушнины и сырья были напечатаны на красной бумаге. “Зачем даешь красная бу-

⁵ Евлádов В. П.: По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992. С. 66.

мага?» – кричали оленеводы, – “Ты хочешь сделать нас красными!”
Заменили бумагу, и дело пошло на лад».⁶

Мансийская песня начала 1930-х гг. «Белоснежный большой пароход», посвященная приходу первого парового судна на р. Ляпин, ярко характеризует наивное восприятие местными жителями представителей новой власти (непонятных, но, безусловно, важных):

*Под темным обрывом берега
Белоснежный большой пароход
Вон там идет...
К пристани нашего города
Сюда все приближается,
Сюда так и причаливает.*

*Много важных людей в (кителях) с пуговицами на груди
Выходят на берег,
Идут на берег (по домам).
Одни из них чай пьют,
Другие иную еду едят,
Вот так они заняты.*

*Белоснежный большой пароход
После третьего гудка
Начал отплывать (отчаливать).
Семь важных людей с пуговицами на груди (кителях)
Длинными прыжками оленя
Начали прыгать на пароход...*

---

⁶ Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). ХМ 42, 44. Иосиф Волков. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году (воспоминания участника. Каспийск, 1956 г.). Ч. 1. Л. 26.

*В домах, где пили чай, где ели,
Одни забыли перчатки,
Другие забыли фуражки,
Вот так-то было,
Так-то было...⁷*

По замыслу Комитета Севера опорными пунктами развертывания социалистического строительства должны были стать культурные базы – «будущие столицы северных народностей».⁸ В начале 1930-х гг. в Северо-Западной Сибири были созданы Сосьвинская, Тазовская, Ямальская и Казымская культбазы.⁹ Туземцы расценивали появление их не иначе как дальнейшее наступление советской власти в тайгу и тундру.¹⁰

Большое значение в «красной» пропаганде придавалось символике власти, как зримому проявлению новой идеологии и политической культуры у бесписьменных народов. Советские символы постепенно входят культуру коренного населения Сибири. Разъяснено значение красного флага, на котором изображены здоровающиеся «самоедин и русский (ямщик)» как знак единения и дружбы народов. Флаги, транспаранты и лозунги на красных полотнищах – непременные атрибуты новой власти – украшают чумы и юрты во время октябрьских и первомайских демонстраций и митингов как в песне

⁷ Мансийские (вогульские) песни. Ханты-Мансийск, 1998. С. 6–7, 17.

⁸ В Комитете Севера при Президиуме ВЦИК (Материалы расширенного Пленума Северного Комитета совместно с делегатами XII Съезда Советов РСФСР. 11–12 марта 1925 г.) // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 105, 111–113; Леонов Н.: На фронте крайнего Севера (О работе комитета Севера за 1927/28 год) // Северная Азия. 1928. № 3 (21). С. 103; Львов А. К.: Культурные базы на Севере // Северная Азия. 1926. Кн. 3. С. 28–37.

⁹ Из истории культурного строительства в Тюменской области: сб. док. 1918–1975 гг. Свердловск, 1980. С. 186.

¹⁰ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. Тюмень, 1994. С. 226.

«На демонстрации» на слова известного ямальского поэта, писателя и живописца Ивана Григорьевича Истомина:

*Нарядился во флаги
Каждый чум и каждый дом
С голубями из бумаги
Мы по улице идем.*

*Впереди колонны этой –
Наши вожатый – командир.
И пылает алым цветом
На плакате слово «Мир».
Наши малицы, ягушки
В заполярном серебре.
Громко, радостно и дружно
Мы поем об Октябре!»¹¹*

В фольклоре 1930-х гг. также воспеваются символы советской агитации на Крайнем Севере – «красный чум», «красная лодка», «красный лук». Выражение «красных своих лодки корму держит» употреблялось в значении «руководит», «управляет»; словосочетание «красных лук» означало «ружье, полученное от русских», и символизировало советскую власть в целом. В песне лесной ненки Ламки Иуси оттеняется различие в устремлениях стариков, живущих по старым законам, и их внуков, выросших «среди красных» и взявших «красных лук»:

*Так будет петь (он):
Тюра шагать (будет),
Всегда шагать (будет).
Среди красных*

¹¹ Истомин И. Г.: Счастливая судьба. Рассказы. Повесть. Стихи. Свердловск, 1967. С. 152.

Тюра шагать (будет).
Красных (своих) лук
Тюра возьмет (полноценно).
Те-е...
Тюра возьмет
Красных (своих) лук.
Тюра вырастет (возмужает)
Среди красных.
Те-е...
Я не я.
Не жилец я (я не буду жить).
(А) Тюра шагать (будет)
Среди красных.
Красных (своих) лук
Тюра возьмет
Красных (своих) лук.¹²

Для подведения итогов социалистического соревнования используются «переходящие красное и рогожное знамена» и «красные и черные доски»¹³, почетные грамоты. В рассказе И. Г. Истомина «Грамота» переехавшая из тундры в поселок, ненецкая семья, мечтала об украшении дома почетными грамотами «в рамочках, под стеклом», как это было принято. Ставшая передовой дояркой ненка Аркане была приглашена в районный центр. Она надеялась на получение грамоты, а ей дали денежную премию. Обескураженная передовичка пришла в исполком для восстановления справедливости, где пообещала работать еще лучше, чтобы купленная для почетной грамоты рамка непременно была использована. Вернувшись домой, Аркане с облегчением узнала, что «красочную бумагу» за «мастер-

¹² Песни реки Аган. Мегион; Варьёган, 2003. С. 33.

¹³ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. Тюмень, 1994 С. 126, 214.

ство выпиливать» получил ее сын.¹⁴ Особое отношение к «бумаге» (письменным указам и предписаниям, жалованным грамотам, похвальным листам, личной корреспонденции и пр.), несмотря на ее содержание, вошло в культуру обских угров и самодийцев еще в период российской имперской колонизации.¹⁵ В некотором смысле оно существует и сегодня: в домах северян с особой любовью хранятся старые почетные грамоты за трудовые успехи наряду с грамотами о победах в спортивных соревнованиях и свидетельствами об участии в фестивалях и конкурсах.

Укрепление позиций советской власти нашло отражение в традиции имянаречения. Отец писательницы и кинорежиссера Анастасии Лапцуй вспоминал как в 1930-х гг. самоед Анто Юганпелик решил дать новорожденному сыну имя Нойдю 'Красный, прекрасный, пришедший с красными'. Председатель местного сельского совета предложила назвать мальчика «самым русским именем» – Иван. По общему согласию, в метрику было занесено два имени, Нойдю и Иван, которые отлично дополняли друг друга («Прекрасный, вместе с красными пришедший Иван»)¹⁶. Новые имена давались не только людям, но и народам: в 1930-е гг. остяки, вогулы и самоеды были переименованы, соответственно, в хантов, манси и ненцев. Вместе с перенаименованием народов поменялись стратегии сохранения этнической идентичности. По словам А. В. Головнёва, «революция подняла волну этногенеза по всей стране, начиная с метаморфозы русских (в менталитете, социальной структуре, образе жизни) и заканчивая самосознанием северных племен, которые, получив новые

¹⁴ Истомин И. Г.: *Счастливая судьба. Рассказы. Повесть. Стихи.* Свердловск, 1967. С. 38–49.

¹⁵ См.: Первалова Е. В.: «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // *Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурных коммуникаций (XVII – начало XX вв.)*. Новосибирск, 2008. С. 155–185; Первалова Е. В.: *Родовые «канцелярии» самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири в XIX в.)* // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3 (32). С. 84–88.

¹⁶ Лапцуй А. Т.: *Что осталось за кадром.* Салехард, 2007. С. 261.

названия, из инородцев превратились в титульные народы. Всем им было предписано двигаться от первобытности к коммунизму, для чего создавалась письменность и буквари с изображениями Кремля и Ленина».¹⁷

Строго смотрят с портретов и страниц букварей вожди мирового пролетариата и лидеры социалистического строительства на первых учеников туземных школ-интернатов – девчонок и мальчишек с обрезанными косами (рис. 2–4).

*«Едем, едем в школу!
Мы не знаем лени,
Мы в меха одеты,
Нас везут олени».*¹⁸

Широкое вовлечение туземцев в культурное строительство (создание сети школ-интернатов и введение всеобщего начального образования, формирование советской национальной интеллигенции, развитие национальной литературы и искусства) 1930–1940-х гг. привело к смене их идеологических установок (рис. 5–8).

В фольклоре звучит мотив престижа получения полномочий от советской власти:

*Песня Депутатки
«[Депутатка] говорит: «В моей расшитой ягушке-нгэй
В кармане-нгэй
Четырехугольный-нгэй,*

¹⁷ Головнёв А. В.: Устойчивость и изменчивость культур Севера // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. № 1 (70): Материалы научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения». С. 3–10.

¹⁸ Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). ХМ 4601. Бригада октябрят. Пособие по грамоте для нулевых групп ФЭС Государственное учебно-педагогическое издательство под редакцией М. Е. Махлиной и Н. А. Щербаковой. Издание 2-е. Ленинград: «Типография Печатный двор», 1931. С. 64, 67, 110.

Лежит мандат-нгэй.
 К какому бы руководителю-нгэй,
 К какому бы начальнику-нгэй
 Я ни пришла-нгэй
 Уже заранее-нгэй
 Меня олени ждут-нгэй,
 Ждут меня запряженные нарты-нгэй.
 К какому бы руководителю-нгэй,
 К какому бы начальнику-нгэй
 Я ни пришла-нгэй... »¹⁹

Советские мифы и символы прочно закрепляются в произведениях искусства. Воплощением мечты советского туземца стала картина И. Г. Истомина «Ленин на Ямале» (рис. 9)²⁰.

На полотне изображен Ильич в малице с хореем в руках, он только что подъехал на оленьей упряжке к ненецкому стойбищу и начал беседу с тундровиками. Сюжет о гостевании Ленина в ненецкой тундре становится одним из главных в произведениях Истомина, а его стихотворение «Ленин на оленьей упряжке» стало северосоветской классикой:

Не о северном дивном сиянье,
 Не про сказочно белых ночей –
 Ходит в тундре легенда-сказанье
 О любимом родном Ильиче,

¹⁹ Фольклор ненцев. Сост. Е. Т. Пушкарева, Л. В. Хомич. Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 23. Новосибирск, 2001. С. 383.

²⁰ Фонд Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного центра им. И. С. Шемановского (Салехард). ЯНМ-306. Истомин И. Г. «Ленин на Ямале».

*Будто Ленин, великий и мудрый,
На оленях в пургу и мороз.
Приезжал в нашу стылую тундру
И великое солнце привез...*

*Ой, легенда! Ты сказка, конечно,
Но великая правда в тебе;
Светит Ленинский гений нам вечно,
В нашей жизни, в труде и борьбе.²¹*

Северная лениниана базируется на мифе-мечте о путешествии вождя революции по тундре и тайге. В творчестве ненецкого поэта и писателя Леонида Лапцуя Владимиру Ильичу посвящены поэма-сказание «Приехал Ленин» и целая серия стихов с говорящими названиями «Едет Ильич на оленьей упряжке», «Ленин в чуме», «В путь».

*«Легко упряжкой управляет Ленин –
Он как ездок умелый, житель тундры!
Гуляет ветер меж рогов оленьих...
Узду, как тетеву, натянет Ленин,
Березовый хорей семисаженный
Поднимет он – и вот олени мчатся...
И Ленин вдаль глядит из-под ладони,
Разглядывая тьму полярной ночи,
Поговорить он с каждым ненцем хочет,
Высвечивает он людские души...*

---

²¹ Фонд Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного центра им. И. С. Шемановского (Салехард). ЯНМ-11989. Хартаганов Д. М. Панно «Ленин на оленьих упряжках».

Еще такого не бывало чуда –
 Сюда приехал Ленин! На оленях!
 И думает народ: не сон ли это?
 Глаза протерли рукавами малиц,
 Да, на оленях, не на самолете,
 Как многие начальники летают,
 Не добираясь до селений дальних...

Без усталости на чумы смотрит Ленин,
 Свой лоб крутой он думами наморщил,
 Морщины эти – словно реки в тундре.
 Как облегчить тяжелый труд настуший?
 Он думает, оглядывая тундру...²²

В своих произведениях авторы из числа представителей коренного населения активно используют мифологические сюжеты и персонажей традиционной культуры, превращая мифы традиционные в мифы политические. В рассказе И. Г. Истомина «Легенда» старик-ненец Ларко Сусой уверен, что приезд Ленина на Ямал – не сказка, а реальность. Он рассказывает о том, как «семь тысяч лун» назад людоед Пюнегуссе украл у ненцев солнце, опоив народ «огненной водой». Так и жили ненцы в темноте, без солнечного света, обманываемые жадными Тэтта (богачами-оленеводами) и Тадибе (шаманами). Глаза их слезились от дыма в чумах, женщины рожали слабых детей, вымирал ненецкий род. Бесстрашный *сюдбья*-богатырь Ваули Ненянг²³ пытался вернуть солнце в тундру, сражаясь с обитающей в Ледовитом море зубастой рыбой-зверем Хале и с живущим в Подземном Царстве семирогим быком Я-хором, но сам сгинул. Но из-за Камня-Урала на двух белых упряжках прибыли два богатыря с крас-

²² Лапцуй Л.: В краю оленьих троп. Стихотворения и поэмы. 1956–1982. Л., 1982. С. 58–65, 132.

²³ Ваули Ненянг (Ваули Пиеттомин) – руководитель восстания самоедской и остяцкой бедноты на Обдорском Севере в 1825–1841 гг.

ными звездами на шапках. То были мудрый *сюдбья*-богатырь Ленин и дальнорукый *сюдбья*-богатырь Сталин. В схватке с людоедом Пюнегуссе и его помощниками, богачами и шаманами, они одержали победу и вернули ненецкому народу солнце. А когда в зимнее время солнце уходило спать, в каждом доме зажигалось маленькое, яркое солнце – электрическая лампа. Оставшиеся в тундре русские люди-коммунисты помогали ненцам строить новую жизнь.²⁴ С тех пор в домах переселенных в крупные поселки тундровиков и таежников каждый вечер зажегся «подаренный Лениным мудрый, светлый огонь (электричество)» (хантыйская загадка).²⁵

Легенда-сказание о каслании Владимира Ильича по сибирским тундрам становится доминирующим мифом, который продолжал жить в творчестве национальных поэтов, писателей и художников до 1980–1990-х гг. На «досках» самобытного хантыйского художника Дмитрия Хартаганова Ленин не только гонит упряжку оленей, но и останавливается в хантыйских юртах, чтобы попить чайку и как обычно побеседовать с его обитателями (рис. 10, 11).²⁶

Плотность советского мифологического пространства возрастает: Ленин не только побеждает мифических героев и касляет по тундре, пропагандируя интернационализм и «дружбу народов», а уже внимательно смотрит с партбилетов новой туземной элиты. Он всегда готов дать мудрый совет и указать верный путь:

*«Зоревого краше света
Смотрит Ленин с партбилета...
Партбилет положим слева
Мы за лацкан пиджаков,*

²⁴ Истомина И. Г.: *Счастливая судьба. Рассказы. Повесть. Стихи.* Свердловск, 1967. С. 164–176.

²⁵ Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок. Ханты-Мансийск, 1990. С. 13.

²⁶ Фонд Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного центра им. И. С. Шемановского (Салехард). ЯНМ-11989, ЯНМ-11990. Хартаганов Д. М.: Панно «Ленин на оленьих упряжках», «Ильич среди ханты». 1989 г.

Чтобы слушать чутким сердцем
Деловитые советы, –
Что-то скажет нам сегодня
Строгий вождь большевиков?

Говорит Ильич негромко,
Что идем дорогой братства,
Но велит не торопиться,
Все предвидеть, все учесть,
Ибо партия сегодня –
Это зрелый разум века,
Мира прочное богатство,
Совесть Родины и честь.
Горячо легло на сердце
Золотое слово это.
Все пути теперь под силу.
Все работы по плечу!

А когда придется трудно –
Мы откроем партбилеты,
Вновь за добрыми словами
Обращаясь к Ильичу».²⁷

Под воздействием «красной» пропаганды образ Ленина, которому еще недавно в фольклоре согласно традиционной мотивации поведения отводилась роль «труса», трансформируется в сознании туземца в «богатыря» или вездесущее божество. В основу сюжета одной из новелл фильма Анастасии Лапцуй «Семь песен из тундры», рассказывающего о семи десятилетиях советской власти, легла песнь «Хэхэ – Бог». Повествование начинается словами: «Пока не распался великий Советский Союз, трудно было найти место, где бы не имелся монумент вождю... Только на рыбацких песках да на местах

²⁷ Лапсуй Л.: Победившие смерть. Стихи и поэмы. Свердловск, 1976. С. 74–75.

касланий оленеводов его не было. Владимир Ильич Ленин в полный рост стоит в самом центре и в нашем поселке Ныда». Выстраивавшаяся по случаю очередных торжеств у памятника пионерская дружина Ныдинской школы всякий раз повторяла: «Ленин – не бог! Ленин – вождь мирового пролетариата!» Школьный речитатив сложился по случаю жертвоприношения оленя у монумента самоедами Тапой, Аркой Тер и Тохэ Валак. Перед изваянием были разложены угощения, разлиты чай и водка, первая стопка поднесена Ильичу. Проезжавший мимо секретарь райкома партии Антонов был приглашен к трапезе. Ошеломленный партийный лидер попытался разъяснить, что Ленин – не бог, но старики остались при своем мнении.²⁸

По советской традиции без участия Ленина не происходит ни одно значимое событие, в том числе и промышленное освоение Сибири. В поэме ненецкого поэта Ивана Антоновича Юганпелика «Солнечный богатырь» рассказывается об освобождении из-под земли – царства Нга – богатыря Тусавея (природного газа) и «хозяйки Черных рек» (нефти). В схватку с мифологической птицей Минлей снова вступает Ленин:

*«Но уже до звезд поднялся
богатырь всесильный – Ленин.
Он схватился, он сразился
С хищной птицею – Минлей.
Заломил он крылья птице,
Наступил ногой на горло.
И от той борьбы великой
Даже шар земной дрожал...
Заревели здесь машины,
Зашагали в тундру вышки,
Дыры в царство Нга сверлить,
Чтоб из плена Тусавея,
Огненного великана*

²⁸ Лапсуй Л.: Победившие смерть. Стихи и поэмы. Свердловск, 1976. С. 196–198.

С юной дочерью, хозяйкой
Черных рек,
освободить».²⁹

Советские символы свободно переключаются в традиционную культуру. На женских поясах и сумках для хранения рукоделия вместо блях с изображениями древних мифологических сюжетов появляются подвески в виде пятиконечных звезд, серпа и молота, позже – значка с абрисом российской нефтегазовой провинции – Тюменской области (ПМА, 2009, р. Сыня). Под влиянием советизации происходит преобразование традиционных символов самоидентификации туземного населения. Кукла по умершему *шонгот*, облаченная традиционно в меховые и суконные одежды и украшенная цепочками и кольцами, заслуженно, как и человек, душа которого в этом изображении находится, «носит» советские медали (ПМА, 1989, р. Большая Обь). На маске, закрывающей лицо актера во время исполнения песен и разыгрывания сценок на медвежьих игрищах, кроме традиционных усов и бороды появляется советская солдатская кокарда.³⁰ Однако подобные новшества не приводили к кардинальному изменению традиции, а лишь внешне обновляли ее, сохраняя суть.

Отношение к происходящим трансформациям со стороны представителей изучаемых этнических сообществ было весьма своеобразным. Советское строительство с зонно-лагерным окрасом накладывало особый отпечаток на восприятие новой власти ивдельскими манси. И манси, и русские с удовольствием рассказывают о Степане Курикове, по прозвищу Шаман, постоянно носившем темно-синюю форму НКВД и державшем у себя в юртах в Суеват-пауле портрет Сталина, что, однако, не мешало ему совершать шаманские камлания и устраивать языческие жертвоприношения (ПМА, р. Лозьва, 2011).

²⁹ Ямальские зори. Сборник произведений местных авторов. Тюмень, 1966. С. 63.

³⁰ Фонды Музея истории и этнографии г. Югорска. МЮ НВ-3656. Маска ритуальная. Конец 1990-х гг. Юрты Куриковы, Ивдельский район Свердловской области.

Новые символы легко уживались со старыми – языческими образами. Чтобы выполнить промысловый план, ненец Т. Лапцуй доставал *ңытарму* (изображение умершего предка) со словами: «Давай-ка и ты поработай, выгонят нас из колхоза, куда пойдём?». Его маленькая дочь Анастасия представляла: «План – это что-то большое, голодное... зимой и летом его надо выполнять и перевыполнять. План был сильнее богов и шаманов.³¹

Угро-самодийские мифы советского времени базируются как на реальных исторических событиях, интерпретация которых изменяется в зависимости от продолжительности и интенсивности советизации, так и на абсолютных идеологических вымыслах. Историческая память северных народов хранит не только негативные воспоминания о 1917–1930-х гг., но и позитивные оценки социокультурных преобразований, в том числе создания национальных округов, письменности, формирования национальной интеллигенции. Советские мифы и символы, направленные на конструирование новой коллективной идентичности – идентичности малых народов Севера – стали частью ментальной системы причисленных к данной категории этносов. Внутренний потенциал традиционных культур, иллюстрирующих гибкость и высокую адаптивность к внешним воздействиям, позволил северным сообществам сохранить свою этнокультурную самобытность. Сокрытые под личиной советскости исконные схемы идентичности, после крушения советского режима, были активизированы, и, обретая новые формы, направлены на мобилизацию этнического ресурса.

Подписи к иллюстрациям

1. Тимофеев Г. Н. Провозглашение Советской власти на Обском Севере. Холст, масло. Хм 4442. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).
- 2–4. Страницы из Пособия по грамоте для нулевых групп ФЗС «Бригада октябрят». Государственное учебно-педагогическое изда-

³¹ Лапсуй Л.: Победившие смерть. Стихи и поэмы. Свердловск, 1976. С. С. 279.

тельство под редакцией М. Е. Махлиной и Н. А. Щербаковой. Издание 2-е. Ленинград: «Типография Печатный двор», 1931. ХМ 4601. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

5. Школьники на первомайской демонстрации. Казымская культбаза. Фото А. Н. Лоскутова. 1936 г. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

6. Урок физкультуры. Казымская школа-интернат Фото А. Н. Лоскутова. 1935 г. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

7. Урок в Сартыншинской школе-интернате. Сосьвинская культбаза. ХМ 2090/1. Фотоальбом. Личное дело А. Н. Лоскутова. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

8. Пирамида. Сартыншинская школа-интернат. Сосьвинская культбаза. ХМ 2090/1. Фотоальбом. Личное дело А. Н. Лоскутова. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск).

9. Истомин И. Г. «Ленин на Ямале». Холст, масло. ЯНМ-306. Фонды Музейно-выставочного комплекса Ямало-Ненецкого округа (Салехард).

10. Хартаганов Д. М. Панно «Ленин на оленьих упряжках». 1989 г. Доска, выжигание, карандаш. 50,0×75,0. ЯНМ-11989. Фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного центра им. И. С. Шемановского (Салехард).

11. Хартаганов Д. М. Панно «Ильич среди ханты». 1989 г. Доска, выжигание, карандаш. 50,0×75,2. ЯНМ-11990. Фонды Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного центра им. И. С. Шемановского (Салехард).

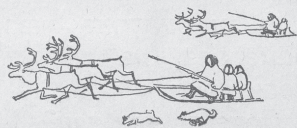
Рис.1

Рис.2

Едем, едем в школу!
Мы не знаем лени,
мы в меха одеты,
нас везут олени.
Где живут эти ребята?

64

Рис.3

Ленин—вождь рабочих
всех стран.

Ленин боролся за
Советы.

Ленин вёл рабочих
против буржуев и
нуланов.

Ленин — наш вождь.

67

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

Рис.8

Рис.9

Рис.10

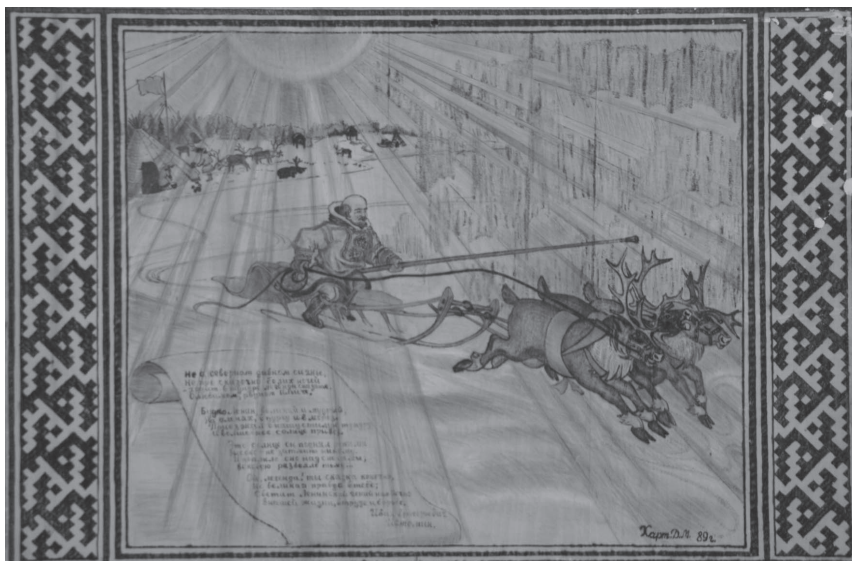

Рис.11

